
АННА ФИСТ
За стёнкой туалета
18+

Анна Фист

За стенкой туалета

«Автор»
2026

Фист А.

За стенкой туалета / А. Фист — «Автор», 2026

Иногда достаточно одной случайной анонимной встречи, чтобы привычная жизнь перестала быть прежней. Даже если эта встреча происходит за стенкой университетского туалета.Вера привыкла оставаться незаметной. Она не из тех, кого замечают в толпе, чьё мнение спрашивают или чьего внимания добиваются. Но однажды между ней и незнакомым мужчиной возникает странная связь — тайная, анонимная, построенная на случайных встречах и недосказанности.Постепенно любопытство превращается в нечто гораздо более опасное. Когда Вера узнаёт, кто на самом деле скрывается по ту сторону перегородки, перед ней встаёт выбор, к которому невозможно подготовиться.

© Фист А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

За стенкой туалета 5
Глава 1. Серая мышь 5
Глава 2. За стенкой 7
Глава 3. Возвращение в кабинку 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Анна Фист
За стенкой туалета

За стенкой туалета

Глава 1. Серая мышь

Её звали Вера, и это было единственным, что в ней совпадало с действительностью.

Она умела быть незаметной с ранних лет. Вера садится в третий ряд сбоку, где взгляд лектора соскальзывает, как с голой стены. Носить серое и тёмно-синее ей было привычнее всего. Она умела говорить ровно столько, чтобы не вызвать не нужных вопросов. За год в университете никто не спросил у неё, как она проводит выходные. Никто не обиделся, когда она не пришла на чей-то день рождения из группы. Её просто не отмечали ни в одном списке, и она давно перестала понимать, обидно ей за это или так жить легче.

Хуже всего было то, что внутри у неё всё работало наоборот. Вера слышала, как пахнет в аудитории после дождя, когда на куртках оседает сырость. Замечала, как парень с первого ряда неосознанно трогает шею, когда нервничает. Знала по звуку шагов в коридоре, кто идёт. Всё это копилось в ней, как вода в закрытом сосуде, и ей некуда было это деть. Ночью, в тесной комнате общежития, она лежала с открытыми глазами и чувствовала себя человеком, который стоит за стеклом и смотрит на праздник, куда его не звали.

Желание близости с мужчиной было отдельной историей. Оно не имело ничего общего с романтикой из книг. Оно было тёмным, настойчивым, стыдным, и она носила его в себе, как носят вещь, которую нельзя показывать. Иногда ей казалось, что если кто-нибудь посмотрит на неё по-настоящему, то сразу всё поймёт. Но на неё не смотрели. И это было странным образом ещё унизительнее.

Тот четверг начался как все остальные.

Две пары подряд, потом семинар, затянувшийся на сорок минут. Она выпила в буфете два стакана чая, потому что в аудитории было душно, а потом забыла об этом. Вспомнила на лестнице, и тело напомнило о себе резко, почти болезненно.

Женский туалет на третьем этаже был закрыт на уборку. На втором стояла очередь из десяти человек, девчонки переминались и переговаривались, смеялись над чем-то своим. Вера встала в конец и простояла минуты три. Потом поняла, что не выдержит.

Она не решала сама сделать это. Позже, много раз возвращаясь к этому моменту, она будет повторять себе, что не решала. Просто ноги сами свернули в боковой коридор, к двери с чёрной табличкой «мужской», которую она всегда обходила стороной. Вера толкнула её плечом и вошла.

Внутри было пусто и тихо. Пахло хлоркой и чем-то чужим, тяжёлым, мужским. Кафель, ряд кабинок, лампа, которая мигала и жужжала. Она очень быстро прошмыгнула в глубь, чтобы никто не заметил, заперлась в крайней кабинке, выдохнула, и на несколько секунд мир сузился до простой физической необходимости пописать.

А потом она подняла глаза.

В перегородке справа, на уровне её бёдер, было отверстие. Ровное, аккуратное, явно сделанное не вчера. Края обработаны, кто-то позаботился, чтобы не занозить руки или что-то другое. Она смотрела на него и не сразу поняла, что именно видит. Мозг упрямо предлагал другие объяснения: вентиляция, ошибка строителей, что угодно.

Но она была не глупой. Просто неопытной.

Сердце ударило так сильно, что она почувствовала это в горле. Надо было встать и уйти. Она знала это совершенно ясно, как знают таблицу умножения. Но она стояла, прижав ладонь к холодной двери, и смотрела на отверстие, и в голове, стыдной и ясной, возникла мысль, которую она не успела отогнать:

Здесь меня никто не увидит.

За стенкой что-то шевельнулось. Тихий шорох ткани, скрип. Кто-то был в соседней кабинке. Всё это время был. И он слушал её дыхание.

Вера перестала дышать.

Прошла секунда, другая, третья. Лампа гудела. Где-то далеко хлопнула дверь, и этот звук показался ей выстрелом. А потом из-за перегородки донёсся голос, очень тихий, спокойный, почти без интонации:

— Если ты ошиблась дверью, просто уходи. Никто ничего не скажет.

Голос был взрослым. Низким. Ей показалось, что она его где-то уже слышала, но эта мысль мелькнула и растворилась, потому что кровь стучала в ушах слишком громко.

Она могла уйти. Он сам дал ей эту возможность, и в этом было что-то страшное, потому что отказаться уходить – это был её выбор, а не какая-то случайность.

Вера смотрела на отверстие в кабинке туалета. Руки у неё дрожали.

Глава 2. За стенкой

Она не ушла.

Позже Вера не раз будет прокручивать эту секунду, пытаясь найти в ней момент выбора, и не найдёт. Было только тело, которое осталось стоять, и голос в голове, который перестал кричать и вдруг замолчал, как замолкает комната, когда выключают шумный прибор.

— Я не ошиблась, — сказала она.

Слова вышли хриплыми, чужими. Она не узнала собственный голос и испугалась, что за стенкой услышат, как он дрожит.

Пауза. Потом тихий, ровный ответ:

— Хорошо.

Больше он ничего не добавил. Не стал ни торопить, ни подбадривать. Просто ждал. И именно это сломало в ней последний страх: он не требовал. Он оставлял ей пространство, а ей так редко его оставляли, что она не сразу поняла, что с ним делать.

Вера медленно опустилась на крышку унитаза, потому что ноги перестали держать. Отверстие было теперь на уровне глаз. Она не смотрела в него. Смотрела на свои колени, на серую ткань юбки, на пальцы, вцепившиеся в край.

— Тебе не обязательно ничего делать, — сказал голос. — Можно просто сидеть. Я никуда не тороплюсь.

Она поймала себя на том, что слушает не слова, а интонацию. В ней было что-то привычное, выученное наизусть, как мелодия, которую слышишь сквозь стену и не можешь вспомнить название. Мысль мелькнула и ушла, потому что в эту секунду что-то тёплое коснулось её щеки.

Кончики чужих пальцев, осторожные, сухие, показались в отверстии и остановились, не дотрагиваясь. Они просто были там. Предлагали.

Дыхание у неё сбилось. Она подумала: *это безумие*. Она подумала: *я не знаю, кто это*. Она подумала: *и он не знает, кто я*.

И вот эта последняя мысль оказалась ключом.

Он не знал. Для него она была дыханием, шорохом, неизвестностью. Не серой мышью с третьего ряда, не девочкой, мимо которой проходят. Здесь не было ни её лица, ни её имени, ни её биографии из одних пропусков. Здесь она была чем-то, что можно только угадать, и в этой неопределённости она вдруг почувствовала себя огромной.

Вера протянула руку и коснулась его пальцев.

Он не вздрогнул, но она почувствовала, как мужчина замер на мгновение, словно и ему было не всё равно. Тёплая ладонь легла поверх её руки, мягко, без нажима. Потом сжала.

Дальше всё происходило медленно, как под водой. Она закрыла глаза, и мир свёлся к ощущениям: тепло чужой кожи, слабый запах мыла и чего-то древесного, лампа, жужжащая над головой, собственное сердце, которое билось уже не от страха. Время потеряло края. Она не думала. Впервые за много лет она не думала вообще, и это было похоже на то, как будто с неё сняли тяжёлое пальто, которое она носила так долго, что забыла о его весе.

Что было дальше, она потом помнила кусками, как сон. Его голос, ставший ниже и тише. Её собственный выдох, который она не успела сдержать. Ощущение, что стены кабинки одновременно защищают и держат. Странная нежность, которой она не ждала от этого места и от этого способа удовлетворения. И волна, поднимавшаяся откуда-то из низа живота, от которой подкосились колени и на мгновение побелело в глазах. Это был ее первый сумасшедший крышесносный полностью анонимный оргазм.

Потом наступила тишина.

Они оба молчали. Она слышала его дыхание, ровное, но чуть сбитое. Слышала, как капает вода из неисправного крана. И в этой тишине к ней вернулась она сама, со всем, что принесла с собой: со стыдом, с ужасом, с холодом в кончиках пальцев.

Что она сделала?

— Спасибо, — сказал он тихо.

Не пошло, не снисходительно. Просто сказал, как говорят, когда что-то действительно ценят. И от этого стало ещё страшнее.

Вера вскочила, чуть не ударившись о дверь, дрожащими руками поправила одежду, нащупала замок. Она не оглянулась на перегородку. Вылетела в коридор, и яркий свет ударил по глазам. Ей казалось, что все смотрят. Что на лбу у неё написано, где она была и что делала. Но коридор был пустым, только вдали звучали чьи-то шаги.

Она дошла до окна в конце коридора, прижалась лбом к холодному стеклу и стала смотреть на двор, где под фонарями толпились студенты. Обычные, шумные, живые. Никто из них не знал. Никто из них не знал бы, даже если бы она закричала.

В ней боролись две вещи, и они не помещались друг в друге. Первая была тошнотворной, липкой: *ты сделала то, чего нельзя; ты не знаешь, кто он; он мог быть кем угодно*. Вторая тихо и упрямо звучала где-то глубже и спокойнее: *и тебе понравилось*.

Вторая пугала её больше.

В общежитии она долго стояла под душем, пока кто-то не начал стучать в дверь и ругаться, что она слишком затянула свое пребывание в ванной. Потом лежала в темноте и смотрела в потолок. Тело всё ещё помнило эти ощущения и сладкие судороги, и она ненавидела себя за то, как отчётливо оно помнило. Но когда она наконец закрыла глаза, то услышала мужское дыхание и его горячее твёрдое проникновение. Она услышала то самое «спасибо», произнесённое голосом, которому она не могла подобрать имени.

Я где-то его слышала, подумала она, уже проваливаясь в сон.

Мысль растаяла, как след на запотевшем стекле.

А на следующий день, в десять сорок, она сидела в третьем ряду, сбоку, где взгляд чужих людей скользит и не задерживается. Дверь открылась, и в аудиторию вошёл профессор Лазарев, как всегда, с опозданием в минуту, с папкой под мышкой. Он положил её на кафедру, обвёл зал усталым взглядом и сказал:

— Доброе утро. Продолжим.

Вера подняла глаза. И что-то в ней, глубоко, под рёбрами, на секунду сжалось. Она не знала почему.

Просто голос показался ей странно знакомым.

Глава 3. Возвращение в кабинку

Она продержалась шесть дней.

Шесть дней Вера повторяла себе, что это была ошибка, случайность, срыв, который не должен повторяться. Она ходила на пары, конспектировала, отвечала «здесь» на перекличке. Профессор Лазарев читал лекцию о границах правового регулирования, и она слушала его с тем особым напряжением, с каким слушают шум за стеной. Голос был ровным, суховатым, лекторским. Не тем. Или тем? Она ловила себя на том, что ищет в нём сходство, и каждый раз одёргивала себя: *ты придумываешь*. Ей нужно было, чтобы это был просто голос, просто совпадение, просто усталость.

Но тело не слушало доводов. Оно помнило. На третий день она проснулась среди ночи, мокрая от жара, мокрая между ног и долго лежала, стараясь не дышать, словно кто-то мог её услышать. На пятый поймала себя на том, что идёт по второму этажу и замедляет шаг у двери мужского туалета. На шестой она просто подошла и толкнула её плечом.

Это было хуже, чем в первый раз. В первый раз можно было сказать себе, что ноги принесли её сами. Теперь она шла осознанно, с холодной ясностью человека, который знает, чем это кончится, и всё равно делает шаг.

В туалете никого не было. Лампа жужжала над кафелем. Вера выбрала ту же крайнюю кабинку, закрыла замок и прислонилась спиной к двери. Сердце колотилось, ладони были мокрыми. *Его здесь нет*, подумала она. И сама удивилась тому, что внутри что-то болезненно сжалось. Разочарование. Она ждала его.

Эта мысль напугала её сильнее всего остального.

Она простояла так минут десять. Потом решила уйти, положила руку на замок. И в эту секунду в соседней кабинке щёлкнул засов.

Шаги. Тихий скрип. Шорох ткани.

Она замерла. Рука сама упала с замка.

— Это ты? — спросил голос за перегородкой.

Негромко, почти без вопроса. Он не знал наверняка, но спросил так, будто надеялся. И эта осторожная надежда в чужом голосе отозвалась в ней чем-то тёплым и стыдным.

— Да, — выдохнула она.

— Я думал, ты не придёшь.

— Я тоже.

За стенкой коротко, беззвучно усмехнулись. Она слышала это в дыхании, в паузе. Потом он сказал:

— Давай договоримся. Ты можешь уйти в любой момент. Просто скажи, и я не стану ни о чём просить. И мы не называем имён. Не спрашиваем, откуда. Ничего, что могло бы нас выдать за стенами туалета.

— Хорошо, — сказала она. И добавила, неожиданно для себя: — Ещё одно правило. Ты не пытаешься меня увидеть.

— Принято.

Это был первый раз, когда она что-то решила. Не ноги, не случайность, а она. Правило принадлежало ей, и от этого ощущение стало другим: не падением, а шагом. Она села и увидела свои руки. Они больше не дрожали.

Дальше было тише и глубже, чем в первый раз. Он не торопился. Ей казалось, что он слушает её так, как никто никогда не слушал: замечает паузы, перемены дыхания, малейшее напряжение. И она, лишённая лица, лишённая имени, вдруг обнаружила, что может быть смелее, чем когда-либо в жизни. Она сказала ему, чего хочет. Вслух, ровным голосом, какого сама

от себя не ожидала. Он ответил без насмешки и без пошлости. Только низкое, внимательное «хорошо», от которого по спине прошла дрожь.

Всё остальное осталось по ту сторону перегородки, в тепле, в темноте закрытых век. Она помнила только отдельные вспышки: его рука, которую она сжала сама, не он её; собственный шёпот, который растворялся в гудении лампы; ощущение, что она наконец занимает своё место в мире, пусть даже это место размером с тесную кабинку.

Потом снова была тишина. И снова возвращалась она сама.

— Спасибо, — сказал он.

Она уже знала, что он это скажет. Знала, и всё равно что-то в ней дрогнуло. Потому что это слово было слишком настоящим для такого места.

— Я приду в четверг, — сказала Вера, прежде чем успела подумать.

— Я тоже.

Вечером она сидела на кровати в общежитии с конспектом на коленях и не видела ни строчки. Соседка по комнате щёлкала что-то в телефоне, смеялась в голос над видео. Обычный вечер. Вера смотрела на свои руки и пыталась понять, кто она теперь.

Раньше она знала. Серая мышь, незаметная, невидимая. Это была тюрьма, но знакомая. Теперь у неё появилась вторая жизнь, и она оказалась ярче первой. Днём она смотрела на людей и думала: *вы не знаете, что я делаю по четвергам*. И вместе с острым, почти хмельным чувством тайны росло другое, холодное и тяжёлое. Вина. Не за сам поступок. Она сама удивилась этому: стыда за поступок почти не было. Вина была за то, что она не знала, с кем это делает. За ложь, в которую превратилась её жизнь. За то, что лёгкое, доверчивое «спасибо» могло принадлежать кому угодно, в том числе человеку, которого она однажды увидит на свету и не простит ни себе, ни ему.

А если я его знаю?

Она отогнала мысль. Но та вернулась ночью, тихая и липкая, как сквозняк.

Утром, на лекции, Лазарев что-то писал на доске, повернувшись к залу спиной. Вера смотрела, как он стряхивает мел с рукава, как привычным жестом поправляет часы на запястье, и вдруг поймала себя на том, что в воздухе аудитории, в сухом запахе мела и бумаги, ей чудится что-то ещё. Едва уловимое. Древесное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.